

Чжао Цин явно был не в духе — вид у него был такой, словно он вознамерился без лишних слов переломать этому Попугаю клешни.

Любой другой на месте Су Юэ давно бы поседел от ужаса, но тот не испытывал и тени страха. Опыт прошлой жизни подсказывал: стоит лишь слегка умаслить командира, сказать пару ласковых да пойти на уступки, и тот сменит гнев на милость.

В конце концов, Чжао Цин сам его соблазнил.

Мужчина, сам легший под него, к тому же объект подписки и наблюдения... В будущем его неизбежно ждала тюремная камера, а для Су Юэ он станет лишь яркой строчкой в послужном списке да отличным трамплином для продвижения по службе.

Су Юэ и не думал высвобождать зажатое запястье. Напротив, его прохладные пальцы неслышно скользнули по груди командира, а голос преобразился, обретя интимную хрипотцу:

— Я оговорился. Разве такое может быть пресным? В нежном, сочном мясе — самый смак.

Впиться зубами — и почувствовать сок, доходящий до самой кости... Вкус, заставляющий хотеть ещё и ещё.

В Чжао Цине вспыхнул огонь, но закованная в гипс нога связывала по рукам и ногам. Чтобы не давать птичьим лапкам блуждать там, где не следует, он решительно разжал пальцы.

Пользуясь паузой, Су Юэ бегло оценил повреждения своего тела: пулевое в ногу, глубокие ссадины на пояснице и плече — ничего смертельного.

Подожли сейчас убийцы — и, чего доброго, снова потерпели бы крах. И дело вовсе не в том, что Су Юэ недооценивал нападавших. В прошлой жизни Чжао Цин находился в куда более плачевном состоянии, но всё равно выкарабкался, отправив всю засаду на тот свет.

Су Юэ отстранился и без лишнего шума запахнул распахнувшийся халат командира, после чего заботливо натянул одеяло повыше — прям-таки образцовый, заботливый спутник жизни.

Глядя на эту пантомиму, Чжао Цин криво ухмыльнулся:

— И это всё? А кто намеревался завалить меня прямо в постели?

Су Юэ приглушил ночник:

— Ты ещё слишком слаб. Отдыхай.

Ему требовалось ещё отправить шифровку начальству, а время поджимало.

Чжао Цин изогнул бровь:

— Ты припёрся среди ночи только затем, чтобы проведать больного?

— В палате всё равно особо не разгуляешься, — тихо отозвался Су Юэ. — Главное — убедился, что с тобой всё в порядке, и мне этого достаточно.

Чжао Цин кивнул на свою затянутую в гипс ногу:

— По-твоему, это называется «в порядке»?

— Голова на плечах, инвалидом не останешься — значит, жить будешь, — безмятежно парировал Су Юэ.

Разглядывая стоящего в приглушённом свете мужчину, Чжао Цин как бы между прочим спросил:

— Днём у вас с Сяо Цынем произошла стычка?

Су Юэ на мгновение замер, после чего сдавленно хмыкнул:

— Пустяки. Замкомандира зубы на меня точит далеко не первый день.

— Не скажи, — не согласился Чжао Цин. — Сяо Цынь — боевой медик. Хорошие отношения с ним — это твоя запасная жизнь на поле боя.

Су Юэ никогда не вверял собственную шкуру в чужие руки — сколько бы там жизней ни обещали.

— Мне всё равно, — отрезал он. — Не имеет значения.

— Это касается дисциплины и сплоченности отряда, — строго произнёс Чжао Цин. — Пока идет передышка, вы обязаны уладить все накопившиеся разногласия.

— Белый Голубь — заместитель командира, — спокойно возразил Су Юэ. — Заставить его приползти с извинениями я не могу. Или ты считаешь, что воду мучу именно я?

В «Тёмном Вороне» многие знали: Белый Голубь регулярно выражал сомнения в прошлом

Попугая, подозрительно косясь на новобранца и считая его засланным казачком. Жаль только, в прошлой жизни Белый Голубь так и склеил ласты, не добыв ни единой улики. Лишь потом Су Юэ сам сбросил маску, ошеломив весь отряд и попутно отправив командира за решётку.

Глядя на своего «прирученного» Попугая, который растерял былую шелковистость, Чжао Цин мысленно выругался. Чёрт возьми, да он же из кожи вон лезет, чтобы обеспечить парню дополнительную страховку!

На передовой, где свистят пули и режет сталь, ранения — обычное дело. Боевой медик отряда, разумеется, обязан спасать каждого, вот только «делать всё возможное» и «выкладываться на полную» — вещи абсолютно разные.

— Я заставлю Сяо Цыня прийти и поговорить по душам, — посерьёзнев, отчеканил Чжао Цин.
— Накосычил — признай, виноват — извинись. Если слова в горле застревают, набейте друг другу морды, но прекращайте этот детский сад.

Су Юэ нахмурился:

— Моей вины тут нет. Впрочем, я могу просто его убрать — и проблема решится сама собой.

Чжао Цин аж поперхнулся от смеха:

— Всё еще дуешься за то, что он на тебя доносит?

Су Юэ качнул головой:

— Пусть пишет что угодно, мне плевать. Докладывать руководству — стандартная процедура, лишь бы без клеветы. С чего бы мне из-за этого затаивать обиду?

Даже будучи внедрённым агентом, Су Юэ оставался человеком принципов и не собирался опускаться до счётов с дикими наёмниками, у которых даже официального статуса нет.

— Вот как? — В узких, раскосых глазах Чжао Цина блеснул лукавый огонёк. — Совсем-совсем плевать?

Су Юэ гордо вскинул подбородок: настоящий мужчина отвечает за свои слова, да и чувства собственного достоинства ему не занимать.

Чжао Цин удобно откинулся на подушки, явно настраиваясь на интересное ночное развлечение:

— Тогда иди сюда и расскажи-ка мне подробнее... Какими такими способами командир тебя балует, бережёт и любит? И что же он такого натворил, заставив беднягу Сяо Цыня изойтись на желчь от ревности?

Су Юэ: «...»

Сяо Цынь, ах ты ж мелкий дятел-доносчик!

<http://bllate.org/book/20705/2109337>